113 01/74 all -3-

ОПЫТ

ОПРАВДАНІЯ ШЭСЫ:

ПАМЯТЬ

БОРОДИНСКОЙ БИТВЫ.

ЦѢНА 15 КОП. СЕР.

Можно получать во всѣхъ русскихъ книжныхъ магазинахъ по Невскому проспекту и въ книжномъ магазинѣ Ильи Ивановича Глазунова въ Большой Садовой.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ К. ЖЕРНАКОВА.

1848.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 21 Августа 1848 года.

Цензоры: { *А. Крыловъ.* / *А. Мехелинъ.*

КЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ.

Эта статья изъ № 34-го Литературной Газеты, въ послѣдующихъ нумерахъ которой будетъ помѣщена и самая піэса, печатается отдѣльно съ тою цѣлію, чтобы располагающіе быть въ спектаклѣ 26-го августа могли, предварительнымъ обсужденіемъ взглядовъ автора и его критиковъ, составить себѣ вѣрное понятіе о представленіи, котораго будутъ зрителями.

Независимо отъ разсматриваемыхъ въ этой статьѣ литературныхъ и драматическихъ вопросовъ, каждый русскій, безъ всякаго сомнѣнія, пожелаетъ прочитать въ ней и взвѣсить на своемъ судѣ историческіе доводы, приводимые, *отъ страницы* 16-й, тому, что блистательный переворотъ славной для Россіи войны 1812-го года произошелъ не отъ случая, какъ то еще полагаютъ многіе, но былъ неоспоримымъ слѣдствіемъ плана, глубоко соображеннаго и заранѣе обдуманнаго великимъ русскимъ полководцемъ.

ОПЫТЪ

ОПРАВДАНІЯ ПІЭСЫ:

ПАМЯТЬ

БОРОДИНСКОЙ БИТВЫ.(*)

Въ 1812-мъ году Августа 26-го дня совершилось великое воинское событіе: сраженіе Бородинское.

Его грома̀ были для исполина-завоевателя подобны тѣмъ первымъ подземнымъ ударамъ, отъ которыхъ зашатался Родосскій колоссъ, и эти же грома̀ были первымъ небеснымъ глаголомъ спасенія Россіи, а чрезъ Россію спасенія Европы.

Съ Бородинской битвы начался великій переворотъ, потянувшій вѣсы войны на сторону Русскаго оружія и давшій случай сердцу Александра Благословеннаго проявиться предъ освобожденными имъ Государствами во всемъ благотворномъ своемъ величіи.

Если когда-либо, въ горячкѣ умовъ, западные народы забудутъ объ этомъ под-

(*) Почтенный редакторъ Литературной Газеты помѣстилъ здѣсь примѣчаніе, въ которомъ высказалъ свое мнѣніе о посильныхъ литературныхъ способностяхъ сочинителя піэсы, столь лестное, что авторъ подвергнулся бы справедливому упреку въ непомѣрномъ самолюбіи, если бы позволилъ себѣ перепечатать его въ этомъ отдѣльномъ изданіи статьи. Сочинитель, принимая съ душевною признательностію тотъ сдѣланный ему привѣтъ, еще болѣе благодаритъ редактора за обѣщаніе, въ томъ примѣчаніи изложенное, представить въ своей газетѣ полный обзоръ литературной его дѣятельности. Онъ смѣетъ ожидать слѣдствіемъ того обзора, если не того, чтобы публика поставила его въ число людей, заслуживающихъ ея особаго вниманія, то по крайней-мѣрѣ того, что литературныя его занятія, бывшія, въ свободныя для него минуты, внушеніемъ одной любви къ искуству и смѣнившіяся нынѣ трудами, уже исключительно посвященными общей пользѣ, получатъ безпристрастную оцѣнку, въ которой авторъ, увидѣвъ свои недостатки, въ то же время найдетъ можетъ быть и нѣкоторое ободреніе.

вигѣ Русскаго Монарха, прославленнаго въ 1814-мъ году благодарственными кликами самаго Парижа, и объ этой заслугѣ предъ Европою Русскаго Полководца, записанной вѣчными буквами спасенныхъ на памятникѣ при Бунцлау, то: «*да будетъ имъ стыдно!*»

Августа 26-го 1839-го, на тѣхъ же поляхъ, но гдѣ уже стоны раненыхъ смѣнились молитвою по усопшимъ въ сооруженномъ печальною вдовою монастырѣ, гдѣ слѣды войскъ давно уже покрыла соха плодоносными отвалами утучненной геройскою кровію земли, была исполнена блистательная воинственная драма, въ которой, по мановенію своего Государя, полуторастатысящное войско, еще не доходившее числомъ до числа плѣненныхъ въ 1812-мъ году враговъ, воспроизвело всѣ движенія Бородинской битвы и преклонило знамена предъ вѣковымъ, воздвигнутымъ ей памятникомъ надъ бренными остатками одного изъ славныхъ ея дѣятелей.

Великія тѣни Александра и Наполеона, уже примиренныя за предѣлами земнаго, смотрѣли, казалось, на торжественное это зрѣлище, одна въ особѣ Августѣйшаго своего брата, другая въ лицѣ Высокаго Жениха Благовѣрной дочери Русскаго Вѣнценосца.

Блистательно сіяло Бородинское солнце. Гордымъ чувствомъ наполнялись сердца всѣхъ присутствовавшихъ.

Языкъ восторга разнообразенъ.

Въ торжествѣ воинскомъ онъ гремитъ взрывами пальбы, живописецъ увѣковѣчиваетъ его кистью, музыкантъ заставляетъ говорить имъ звуки, писатели и поэты передаютъ его прозою и стихами, въ разсказахъ и строфахъ, въ театральныхъ игрищахъ и въ народныхъ пѣсняхъ.

При селѣ Бородинѣ былъ тогда временный театръ.

Казалось, что самый видъ этого зданія, устроеннаго для потѣшныхъ зрѣлищъ на полѣ славныхъ воспоминаній, среди воинственныхъ кликовъ и движеній, имѣлъ высокій, указующій смыслъ и вызывалъ Русскихъ драматурговъ на сочиненіе піэсы, соотвѣтствующей окружающему торжеству.

Отсутствіе такого представленія было какимъ-то упрекомъ отечественной патріотической литературѣ.

Прибывшая въ Бородино, удачно составленная частная труппа, обѣщала хорошее выполненіе.

Можетъ быть тѣ изъ Русскихъ сочинителей, которыхъ перо могло бы произвести что нибудь достойное эпохи, не ожидали прибытія драматической труппы на самое Бородинское поле. Можетъ быть для того, чтобы вполнѣ вдохновиться предметомъ, надобно было присутствовать на безсмертной годовщинѣ, а изъ всѣхъ именъ знаменитыхъ русскихъ писателей было слышно между посѣтителями торжества одно имя В. А. Жуковскаго. Муза «Пѣвца въ станѣ русскихъ воиновъ,» никогда не посвящавшая себя созданіямъ сценическимъ, могла, однакоже, облечься и при этомъ случаѣ только въ лирическую одежду.

Перо его подарило насъ прекрасными стихами на Бородинскую годовщину, но на знаменитомъ полѣ Муза театра держала еще другое, котораго никто, по видимому, не осмѣливался принять изъ ея рукъ (*).

Авторъ піэсы: «Память Бородинской битвы,» побужденный минутою, взялъ это перо, не съ тою дерзостію, которая заставляетъ иногда слишкомъ надѣяться на свои силы, но съ тѣмъ увлеченіемъ, которое невольно пораждается восторгомъ.

(*) Тогда еще неизвѣстно было автору о «народномъ драматическомъ представленіи: Сцены въ Москвѣ въ 1812 мъ году, соч. русскаго инвалида И. Н. Скобелева,» данномъ въ Октябрѣ мѣсяцѣ 1839 го года на александринскомъ театрѣ; а также о другой піэсѣ, однажды явившейся на сценѣ въ томъ же году въ Москвѣ, и въ которой нѣсколько солдатъ разныхъ оружій разсказываютъ Бородинскую битву. Впослѣдствіи авторъ видѣлъ рукопись послѣдняго сочиненія, но уже не помнитъ ни его названія, ни имени сочинителя

Въ три дня піэса была написана (*); переговорено съ директоромъ труппы о ея представленіи; но къ самому сочиненію было приступлено предъ окончаніемъ маневровъ; вскорѣ послѣдовалъ отъѣздъ Высочайшаго двора, и уже не было времени исполнить намѣренія.

Въ 1848-мъ, возникшія на Западѣ смуты и Высочайшій манифестъ 14-го Марта, заставившій на всемъ пространствѣ Имперіи воспрянуть неумирающее Русское чувство любви къ вѣрѣ, престолу и отечеству, сдѣлали особенно приличнымъ воспроизведеніе всего того, что такъ сильно откликается тому воззванію въ историческихъ воспоминаніяхъ.

1812-й годъ особенно выходилъ здѣсь на поприще народной памяти.

По этому поводу, 28-го Апрѣля, піэса была дана на александринскомъ театрѣ.

Повторенная нѣсколько разъ, она, по желанію самого автора, оставлена благосклонною Дирекціею до дня безсмертнаго сраженія, сценическое празднованіе котораго этою піэсою составляетъ прямую ея цѣль.

Великой день 26-го Августа наступаетъ и представленіе піэсы назначено.

Если бы и не была она удостоена возобновленія, то во всякомъ случаѣ необходимо, даже предъ ея напечатаніемъ, для котораго почтенный редакторъ Литературной Газеты удѣляетъ мѣсто въ своемъ періодическомъ изданіи, поговорить о ней съ тою частію любознательной публики, которая безпристрастно желаетъ составлять себѣ вѣрныя понятія о всемъ томъ, что представляется ея суду.

Авторъ весьма понимаетъ, что одной важности предмета еще недостаточно для достоинства внушеннаго имъ произведенія.

Необъяснимо, однакоже, публика выразила свое мнѣніе:

Громкія рукоплесканія во время самаго представленія и глубокое молчаніе по опущеніи занавѣса?

Сочинитель, ни мало не искавшій похвалъ и вызова, имѣлъ однакоже душевное огорченіе видѣть, что знаменитый талантъ Русской сцены, В. А. Каратыгинъ, съ такою силою и такимъ вѣрнымъ чувствомъ исполнившій роль инвалида и бывшій неоднократно вынужденъ, во время разсказа битвы, прерывать свои монологи, чтобы дать затихнуть одобрительнымъ порывамъ зрителей, въ первый разъ еще, въ продолженіи всего своего драматическаго поприща, не былъ вызванъ публикою, которой онъ уже 30 лѣтъ доставляетъ высокое наслажденіе.

Какъ и чѣмъ это объяснить?

Несправедливо сказалъ одинъ Русскій журналъ, котораго по этому случаю мы не называемъ, что піэса не нашла себѣ сочувствія. Сочувствіе было. Рукоплесканія свидѣтельствовали о немъ. Его не могло не быть въ Русскихъ зрителяхъ при живосказующемъ напоминаніи о предметѣ столь близкомъ Русской славѣ. Правильнѣе было бы выразиться, что достоинство сочиненія не соотвѣтствовало величію предмета.

Русскіе остались тѣми же, какими они были въ 1812-мъ году, какими были и въ 1612-мъ.

Артисты исполнили свое дѣло превосходно.

Ясно, что молчаніе по опущеніи занавѣса было судомъ о піэсѣ, вслѣдствіе соображенія уже литературнаго ея цѣлаго.

Виновата, слѣдовательно, піэса.

Должно искать въ критикахъ указанія ошибокъ автора.

Вышло двѣ рецензіи: въ № 101-мъ Сѣверной Пчелы и въ № 5-мъ Пантеона. Прочіе газеты и журналы не говорятъ о театральныхъ представленіяхъ, или отдаютъ о нихъ отчетъ только въ годовыхъ обозрѣніяхъ спектаклей.

Испытаемъ же силъ: не можемъ ли оправдаться.

Опытъ пятидесяти-лѣтней жизни поселилъ въ авторѣ между прочимъ ту увѣренность, что никого нельзя убѣдить ни

(*) Впослѣдствіи она была только нѣсколько исправлена.

въ какой истинѣ, если тотъ, кого мы убѣждаемъ, не приготовленъ къ принятію той истины уже собственнымъ, хотя темнымъ ея сознаніемъ.

Такимъ же образомъ никому нельзя передать своихъ взглядовъ, если тотъ, кому желаемъ усвоить тѣ взгляды, уже самъ не готовъ стать на точку ихъ воззрѣнія.

Такъ въ природѣ, такъ въ наукахъ, такъ и въ искуствѣ.

По поводу небольшой и столь неважной въ области искуства піэсы, авторъ не будетъ распространяться о нѣкоторыхъ своихъ особыхъ понятіяхъ о драмѣ.

Онъ можетъ ошибаться въ нихъ, но судить его въ тѣхъ понятіяхъ должно съ любовію къ искуству и съ тѣмъ желаніемъ привести всѣ частныя воззрѣнія къ болѣе общимъ взглядамъ, которыми характеризуется современное состояніе всѣхъ отраслей вѣдѣнія.

Дѣло трудное.

Большинство людей проложило себѣ во всемъ знакомыя дороги. Обозы ихъ тянутся по старымъ, избитымъ колеямъ. Новый путь всегда кажется имъ сомнителенъ, покуда они не ознакомятся съ нимъ временемъ и привычкою.

Пусть же то, что есть новаго въ понятіяхъ автора о драмѣ, представится зрителямъ и читателямъ само собою въ сочиненіи. Не останавливаясь на томъ, мы приступимъ прямо къ разсмотрѣнію вліянія, какое произвела піэса, и толковъ, какіе она возбудила.

Нужно ли отвѣчать на нѣкоторыя словесно сдѣланныя автору замѣчанія, что въ піэсѣ все относительное битвы почерпнуто изъ военныхъ описаній и что приличнѣе было бы слышать разсказъ битвы, столь славной въ военной исторіи, изъ устъ не простаго солдата?

Авторъ не могъ же *выдумать* сраженія, а простому воину, бывшему героемъ событія, кто скажетъ: не говори о Бородинскомъ дѣлѣ?

Какъ Сѣверная Пчела, такъ и Пантеонъ одинаково обвиняютъ піэсу въ томъ, что въ ней нѣтъ піэсы.

Подъ словомъ піэса разумѣется театральное представленіе, въ содержаніе котораго входятъ завязка и развязка.

И Сѣверная Пчела и Пантеонъ разсказываютъ завязку и развязку Памяти Бородинской битвы, чѣмъ самымъ уже и доказываютъ, что эта сельская картина въ то же время и піэса.

Издатель Пантеона даетъ однакоже произнесенному имъ обвиненію гораздо обширнѣйшее значеніе. Явно отличая простое названіе *піэса* отъ болѣе знаменующаго названія *драма* (то же, піэса, только въ высшемъ значеніи), онъ говоритъ, что «въ этой *Памяти* нѣтъ даже и тѣни того, что въ искуствѣ обусловливается названіемъ *драматическаго сочиненія*.» Память Бородинской битвы, по его мнѣнію, есть только «*картина въ разговорахъ*,» или вѣрнѣе, «*разговоръ для поясненія картины*.» Не удачна же картина,— добавляетъ онъ, — которую надо пояснять.»

«Разговоръ для поясненія картины,» выраженіе понятное; но слова, составляющія опредѣленіе: «картина въ разговорахъ,» не имѣютъ никакого между собою соотношенія. Картина въ разсказахъ, было бы еще другое дѣло. По этому мы и остановимся на первомъ изъ двухъ опредѣленій.

Если критикъ называетъ поясненіемъ картины разговоръ, въ окончаніи піэсы, Ильи Степанова съ Левономъ (хотя собственно это не разговоръ, а общій разсказъ: точность необходима въ опредѣленіяхъ), то подъ словомъ картина онъ разумѣетъ слѣдовательно представленный на сценѣ планъ сраженія. Ясно однакоже, что здѣсь не разсказъ служитъ поясненіемъ плана, но планъ поясненіемъ разсказа.

Такимъ образомъ разсказъ входитъ въ полную самостоятельность.

Этотъ разсказъ, относительно къ завязкѣ піэсы, производитъ тотъ переворотъ въ чувствахъ Ильи Степанова, которымъ рѣшается судьба Левона и Аннушки.

Была ли бы піэса безъ этого разсказа?—Нѣтъ.

Слѣдовательно разсказъ входитъ въ сущность піэсы.

«Оставляя хулу и шутки въ сторону» (и такъ, это была только шутка), издатель продолжаетъ осужденіе піэсы еще съ большею строгостію.

«Появленіе такого произведенія на театральныхъ доскахъ—говоритъ онъ—насъ изумило *по своей смѣлости*. Если вы хотите, въ строгомъ смыслѣ, тутъ нѣтъ и картины: это просто *теплая* реляція о Бородинскомъ дѣлѣ, произнесенная очень патетически г. Каратыгинымъ, *съ приложеніемъ къ ней и плана сраженія*.»

Послѣднія слова замѣчательны: они показываютъ какъ искусное перо критика можетъ иногда, въ любимыхъ публикою журналахъ, пріятно играть передъ читателями на счетъ сочиненій, составляющихъ предметъ художественнаго ихъ разсмотрѣнія.

Противъ упрековъ въ смѣлости нѣтъ словъ къ извиненію; но по какому стеченію противоположныхъ идей, почтенный издатель Пантеона, основавшій двойное опредѣленіе піэсы на словѣ *картина*, въ то же время не находитъ въ піэсѣ даже и картины?

Если піэса не можетъ быть названа ни картиною, ни драмою, то что же она такое? Неужели только представленіе? — «Одна теплая реляція,» говоритъ онъ.

И такъ картиною онъ называетъ планъ сраженія, піэсою разсказъ, а разсказъ реляціею, отбрасывая его этимъ послѣднимъ словомъ къ роду оффиціальныхъ военныхъ донесеній.

Справедливо ли все это? Часть составляетъ ли цѣлое? Вложенный въ уста Бородинскаго воина оживленный разсказъ о знаменитомъ сраженіи, въ которомъ онъ самъ былъ кипучимъ дѣятелемъ, имѣетъ ли хотя мало видъ и форму оффиціальныхъ донесеній о битвахъ и приданный критикомъ разсказу эпитетъ «*теплый*» не вырванъ ли невольно изъ подъ его пера справедливостію?

«Главная заслуга автора въ томъ, что онъ бойкимъ и живымъ разсказомъ возобновилъ въ памяти зрителей великія событія исполинской битвы.»

Такъ выразилось въ критикѣ Сѣверной Пчелы патріотическое чувство, показывающее, что разсказъ о битвѣ былъ не безъ вліянія на зрителей и что онъ, кипѣвъ жизнію, не былъ только теплою реляціею.

Справедливость, отданная издателемъ Пантеона знаменитому артисту, исполнившему тотъ разсказъ, какъ только могли исполнить: одинъ онъ, въ ролѣ Инвалида, и г. Самойловъ, въ ролѣ Левона, (не безъ элементовъ же къ тому въ самомъ разсказѣ), не подводитъ ли мнѣніе издателя Пантеона о повѣствованіи битвы подъ приведенное выше мнѣніе критика Сѣверной Пчелы, и не оправдываетъ ли вполнѣ это главное, по цѣли представленія, мѣсто въ піэсѣ?

Раскинутый на сценѣ, въ холстахъ, тесьмѣ и надписанныхъ дощечкахъ и значкахъ, планъ сраженія, кажется не понравился обоимъ рецензентамъ. По крайней мѣрѣ что-то похожее на то заключается въ словахъ, которыми они оба о немъ выражаются. Почему и отъ чего, ни тотъ ни другой не говорятъ.

Сдѣлаемъ по этому случаю одинъ вопросъ нашимъ читателямъ:

Даже тѣмъ изъ нихъ, которые изучаютъ военную исторію, памятны ли всѣ положенія мѣстъ славнѣйшихъ битвъ? Не должны ли они, перечитывая описанія сраженій, развертывать предъ собою планы, всегда прикладываемые къ описаніямъ? Могли ли бы же безъ такого плана представить себѣ ясно сраженіе тѣ изъ зрителей, которые никогда не занимались спеціальнымъ изученіемъ военныхъ дѣйствій?

Слѣдовательно планъ былъ необходимъ. Драматическая задача состояла только въ томъ, какъ его привести. Способъ этого представленія и средства для того были взяты авторомъ изъ самаго сельскаго быта, и планъ битвы явился на сценѣ съ такою вѣрностію, что любой офицеръ генеральнаго штаба могъ повѣрить его даже въ размѣрахъ. Холсты и тесь-

ма ясно обозначали рѣки и дороги, а дощечки и значки съ надписями ни чуть не странно воспроизводили имена деревень и батарей, пестрѣющихъ на чертежахъ почти точно также, какъ то было на сценѣ. Планъ имѣлъ видъ будто бы развернутаго изъ книги.

Остается можетъ быть къ обвиненію автора то, что способъ сценическаго представленія того плана нѣсколько поражаетъ своею новостію; но не такъ ли иногда осуждается всё новое, потому только, что выходитъ изъ ряда того, къ чему мы привыкли?

Далѣе критикъ Пантеона, не признавая картины «Память Бородинской битвы», драмою, хотя, по раскинутому въ ней плану сраженія, опредѣляетъ ей даже мѣсто въ ряду драматическихъ представленій: «нагляднымъ способомъ освоить зрителя съ стратегическимъ дѣйствіемъ», даетъ слѣдующее опредѣленіе драмѣ вообще, съ относительнымъ къ тому мнѣніемъ о піэсѣ:

«Гдѣ первую роль играетъ разсказъ и наглядный планъ, гдѣ все дѣлается для разсказа и плана (положимъ для разсказа, но уже никакъ не для плана), тамъ, *разумѣется*, не можетъ быть никакого дѣйствія и движенія, (почему же это *разумѣется?*), а потому нѣтъ и драмы (вѣрно ли это заключеніе?), *которая только и состоитъ изъ движенія страстей, изъ борьбы идей съ событіями жизни, изъ вліянія внѣшняго міра на человѣка внутренняго.*»

Опредѣленіе драмы не новое, но вполнѣ ли это опредѣленіе вѣрно, и ко всѣмъ ли родамъ драмы оно можетъ быть приложено?

Прежде разсмотрѣнія этого вопроса, замѣтимъ ошибку въ главной точкѣ воззрѣнія, съ которой критикъ изложилъ свое мнѣніе о піэсѣ. Видѣвъ сначала піэсу въ одномъ планѣ сраженія, онъ опредѣлилъ ей мѣсто въ искуствѣ по одному отношенію къ тому плану, а обращая теперь все вниманіе на разсказъ битвы, онъ полагаетъ, что говорить о разсказѣ, значитъ говорить о піэсѣ. Но и въ самомъ разсказѣ много движенія повѣствовательнаго, безъ чего гг. Каратыгинъ и Самойловъ не могли бы передать его съ такимъ чувствомъ и силою и безъ чего разсказъ не заслужилъ бы той лестной похвалы, которою, конечно не безъ подслушанія у публики, почтилъ его критикъ Сѣверной Пчелы. Разсказъ не лишенъ и движенія драматическаго, сколько, понимается, такое движеніе могло быть допущено въ разсказѣ, не прерывая его нити вреднымъ образомъ для сценическаго эффекта.

Обратимся къ драмѣ вообще.

Вѣдомо или случайно издатель Пантеона взялъ свое опредѣленіе драмы прямо изъ образцовъ классическаго французскаго театра? Тогда, по ученію школы, на нашей еще памяти господствовавшей, писатели *старались* составлять планы трагедій по тѣмъ же правиламъ, по которымъ въ музыкѣ сочиняются *фуги*: столкновенію, противодѣйствію страстей. Относительно къ тому литературному вѣку, Пантеонъ могъ бы еще, съ полнымъ основаніемъ, добавить и бывшее тогда мнѣніе, что завязка театральныхъ представленій должна всегда быть основана на *любви*. Такимъ образомъ Меропа Вольтера, имѣющая основою любовь материнскую, снова получила бы дань удивленія, которою была превознесена въ свое время, какъ произведеніе, восторжествовавшее въ этомъ отношеніи надъ тѣмъ, что въ искуствѣ считалось непреложнымъ.

Кажется съ перваго взгляда, что Шекспиръ и Шиллеръ, даже и Гёте, (представившій въ своемъ Фаустѣ уже преобладаніе идеи надъ формою), оправдываютъ такое опредѣленіе, но внимательное разсмотрѣніе показываетъ совсѣмъ другое.

Основное, яркое отличіе французской классической трагедіи отъ новой драмы, первообразъ которой созданъ Шекспиромъ, можетъ быть выражено двумя словами: *форма* и *жизнь*.

И то и другое неминуемо должно входить въ каждое драматическое произве-

деніе, къ какой бы школѣ оно ни принадлежало, но въ классической трагедіи преобладаетъ *форма*, въ новой же драмѣ преобладаетъ *жизнь*. Въ театрѣ Вольтера и Расина форма самостоятельна, жизнь условна; въ трагедіяхъ Шекспира и Шиллера самостоятельна жизнь, условна форма; а въ Фаустѣ Гёте самостоятельна идея, условны же форма и жизнь.

Читатели сами изъ того заключатъ: вѣрно ли можетъ быть приложено къ современнымъ понятіямъ объ искуствѣ опредѣленіе драмы, приведенное издателемъ Пантеона?

Страсти, которыя въ томъ опредѣленіи полагаются зъ основу каждой драмѣ, составляютъ неотъемлемую сущность и драмы Шекспировской, но подъ другими законами искуства. Въ ней главное: жизнь; жизнь же, въ свою очередь, не можетъ быть безъ страстей и движенія; слѣдовательно борьба страстей и всѣ части громкаго опредѣленія драмы, даннаго издателемъ Пантеона, являются въ новой драмѣ какъ только условія, *послѣдствія* жизни. Такой способъ созданія драмы уже самъ собою ввелъ въ нее и краски мѣстности, чуждыя трагедіи классической.

Гамлета и его двора вы не найдете въ исторіи, но находите ихъ въ жизни; напротивъ того, Оросмана, Андромаху, Ифигенію и даже Сида, можете указать въ исторіи, въ преданіи, въ миѳическихъ вѣрованіяхъ, но не укажете ихъ въ жизни.

Данное піэсѣ «Память Бородинской битвы», названіе *сельской картины*, уже показываетъ, не то, чтобы авторъ не считалъ ее за піэсу, но то, что онъ не имѣетъ въ ней притязаній на драму, исполненную страстей.

Въ произведеніяхъ драматическихъ, столь близко новою *естественною* школою породненныхъ съ жизнію, количество страстей и степени ихъ развитія выходятъ сами собою изъ того міроваго участка, который воспроизводится драмою; изъ предмета, составляющаго ея содержаніе, или, вѣрнѣе, изъ той картины, которую она развиваетъ предъ зрителями, потому что слово «картина» есть выраженіе художественное, означающее наружный видъ жизни.

Названіе піэсы «Память Бородинской битвы» *сельскою картиною*, опредѣляетъ родъ этой драмы, относительность ея къ сельскому быту и ту степень возвышенности драматическаго созданія, которой должно отъ нея ожидать.

Разсказъ составляетъ въ ней цѣль, но цѣль искуства тогда только выполняется художественно, когда истекаетъ изъ самой жизни предмета.

Воспроизведеніе въ 1839-мъ году на Бородинскомъ полѣ, блистательною драмою маневровъ, великой воинственной эпохи, нарисовало въ воображеніи автора піэсы картину, имъ представленную, живо раскрывъ предъ его глазами затаенныя въ сельскомъ быту чувства героевъ, бывшихъ ея дѣятелями,—и основа драмы составилась сама собою.

При томъ соображеніе, что только такого рода драматическое произведеніе могло быть выполнено труппою, бывшею при селѣ Бородинѣ, также не мало способствовало къ избранію сельскаго быта кругомъ ея дѣйствія.

Вотъ все объясненіе причинъ и предѣловъ сочиненія.

Въ другихъ обстоятельствахъ и если бы сочинитель *думалъ*, *передумывалъ* и *придумывалъ*, руководствуясь извѣстнымъ стихомъ Буало, совѣтующимъ: «двадцать разъ возлагать работу на станокъ», (*) или взявъ себѣ въ образецъ примѣръ котораго-то изъ геніальныхъ классическихъ французскихъ трагиковъ, кажется Расина, который два года сочинялъ планъ одной изъ своихъ трагедій и въ одинъ годъ ее написалъ, можетъ быть требованія издателя Пантеона были бы удовлетворительнѣе выполнены. Бородинскаго инвалида можно было бы представить исполненнымъ борьбы между пламенною

(*) «Vingt fois sur le métier remettez votre ouvrage.»
(*Art poëtique.*)

жаждою стяжать новые лавры и несчастнымъ положеніемъ, въ которое привело его лишеніе руки; между стремленіемъ схватить ружье, чтобы снова стать въ воинскіе ряды, и любовью къ дочери, требующей отеческихъ попеченій. Въ лицѣ Тимоѳея могъ быть представленъ характеръ сельскаго злодѣя, пользующагося богатствомъ своего дяди, для того, чтобы роззорять добрыхъ крестьянъ, употребляя во зло ихъ нужды и простодушіе, и развращать, дѣтскими погремушками, неопытную деревенскую молодость. Левонъ, исполненный мести, могъ бы на каждомъ шагу подкапывать происки Тимоѳея. Аннушка могла бы произнести много сообразныхъ ея положенію страстныхъ монологовъ. Даже какая нибудь насильственная смерть Тимоѳея, или смерть Аннушки, падшей невинною жертвою любви, могли бы трагически кончить представленіе, но послѣдствіемъ такого придуманія исчезла бы вся основная мысль сочиненія. При такой обстановкѣ піэсы происшествіями и страстями, что же бы вышло изъ разсказа о битвѣ, для зрителя, который можетъ быть былъ бы побужденъ нетерпѣливымъ любопытствомъ слѣдить все далѣе и далѣе за ходомъ интриги? Не показался ли бы ему этотъ разсказъ только мѣшающимъ развитію дѣйствія? Могла ли же такая завязка войти въ созданіе піэсы, гдѣ все порождено воспоминаніемъ великихъ подвиговъ сраженія?

Можетъ быть, по мнѣнію нѣкоторыхъ, сцена должна была наполниться дымомъ пороха, стонать подъ ударами пушечной и ружейной пальбы и дать возможность мастерамъ фехтованія высказать свое искуство передъ зрителями, въ представленіи рукопашнаго боя, въ то страшное время сраженія, когда всѣ роды войскъ, непріятельскихъ и нашихъ, столпились и перемѣшались, взаимно другъ друга уничтожая, съ дикою свирѣпостію, непонятною внѣ тѣхъ минутъ, въ которыя война превращаетъ все человѣческое чувство въ ненависть и мщеніе?

Ни кто конечно не будетъ оспаривать, что такое воинственное на сценѣ зрѣлище, въ сравненіи съ воспроизводимымъ имъ событіемъ, было бы похоже на движенія жестяныхъ солдатиковъ, которыми играютъ дѣти, воображая, что видятъ въ нихъ строй маневрирующихъ полковъ.

Великое сраженіе могло быть повторено въ дѣйствіи только возсозданіемъ, какимъ были Бородинскіе маневры. Внѣ того кисть живописца можетъ представить моментъ, перо же, слово и самый театръ только описаніе или разсказъ.

Издатель Пантеона желалъ бы, чтобъ авторъ піэсы лучше издалъ описаніе сраженія съ принадлежащимъ къ нему планомъ, нежели избралъ несвойственную для того форму драмы?

Изъ этого видно, что въ ту минуту, когда критикъ писалъ этѣ строки, драма не рисовалась въ его воображеніи во всемъ своемъ разнообразіи.

Желающихъ читать повѣствованія о Бородинской битвѣ отсылаемъ къ военнымъ исторіямъ Бутурлина и Михайловскаго-Данилевскаго, къ опыту описанія Бородинскаго сраженія Неѣлова, къ живописнымъ очеркамъ того же сраженія Ѳ. Н. Глинки и къ народному сказанію о той же битвѣ Н. А. Полеваго. Въ драматическую форму влитъ этотъ разсказъ авторомъ піэсы, вслѣдствіе сознанія превосходства такого способа передавать народной памяти великія событія, съ каждымъ десятилѣтіемъ болѣе и болѣе теряющіяся въ туманѣ невѣрныхъ и постепенно блѣднѣющихъ преданій. Народъ мало читаетъ книги и мало понимаетъ въ книгахъ. Разсказъ со сцены идетъ къ сердцу прямо, ясно, вѣрно и сильно.

При томъ, кто властенъ давать законы воображенію и напечатлѣвать въ мысляхъ другихъ людей образы, въ которыхъ совершаются постиженія? Одинъ пишетъ повѣсть, передъ другимъ этѣ образы являются въ живыхъ дѣйствіяхъ лицъ.

Не форма, а содержаніе формы подлежитъ суду критика.

Какъ Сѣверная Пчела, такъ и Пантеонъ, занявшись въ своихъ разсмотрѣніяхъ піэсы почти исключительно однимъ разсказомъ битвы (такъ этотъ разсказъ поглощаетъ всё въ представленіи, тѣмъ исполняя назначеніе піэсы), почти ничего не сказали о другихъ пріемахъ кисти, которые, собственно оправдывая данное піэсѣ названіе картины, должны бы еще болѣе остановить вниманіе критиковъ, по отношенію къ искуству и понятіямъ о драмѣ, нежели самый разсказъ битвы, составляющій цѣль сочиненія.

Съ этой точки зрѣнія первое дѣйствіе должно было въ особенности обратить ихъ вниманіе.

Нѣсколько словъ однакоже, между дѣломъ сказанныхъ обоими рецензентами, поселяютъ въ авторѣ пріятную увѣренность, что нѣкоторая новая еще сторона взгляда его на драму, проявившаяся въ особенности въ первомъ дѣйствіи, не чужда истины и достоинства.

«Мы должны отдать полную справедливость автору—говоритъ критикъ Сѣверной Пчелы:—онъ очень хорошо схватилъ главныя черты сельскаго быта.»

«Какъ картина (слѣдовательно тутъ есть картина) — говоритъ издатель Пантеона—произведеніе имѣетъ достоинство яркости и хорошей рисовки.»

Правда, что вслѣдъ за тѣмъ издатель Пантеона, подслушавъ, какъ онъ говоритъ, мнѣніе публики (не собственное ли это однакоже мнѣніе критика?), выразилъ съ своей статьѣ родъ какого-то негодованія на то, что одному изъ первокласныхъ артистовъ русской сцены, г. Мартынову, пришлось на долю въ піэсѣ мало словъ и въ томъ числѣ въ первомъ дѣйствіи о сапогахъ.

Авторъ піэсы весьма сожалѣетъ, что такъ пришлось, но долженъ въ оправданіе свое представить на справедливое благоусмотрѣніе критика, что если таланты, каковы г. Мартыновъ, или г-жа Сосницкая, сдѣлали честь піэсѣ занятіемъ въ ней ролей ниже своихъ дарованій, то піэса написана собственно не для развитія ихъ сценическаго дара.

Не смотря на то, г. Мартыновъ, по свидѣтельству критика, умѣлъ выставить себя и въ этой небольшой, взятой имъ на себя роли. То же справедливость требуетъ сказать о г-жѣ Сосницкой и о всѣхъ артистахъ и артисткахъ, занимавшихъ въ піэсѣ даже второстепенныя мѣста. Не показываетъ ли это, что и въ тѣхъ немногихъ данныхъ этимъ лицамъ словахъ, заключается существенное? Такія слова, въ противуположность многословію и пустословію, именно и составляютъ въ произведеніяхъ искуства тѣ широкіе штрихи, которые дѣлаютъ рисовку лицъ ясною и яркою.

Не безъ горечи однакоже сдѣлана издателемъ Пантеона и вышеупомянутая нами похвала картинѣ: «она,—добавлено имъ къ немногимъ вышеприведеннымъ строкамъ — не носитъ на себѣ вѣрнаго колорита мѣстности.»

Далѣе критикъ объясняетъ это замѣчаніе тѣмъ, что «трудно найти солдата *Бородинскаго*, который бы говорилъ не своимъ нарѣчіемъ, а риторическими фразами нашихъ народныхъ драмъ.» Почему же этотъ приговоръ сдѣланъ именно солдатамъ Бородинскимъ и почему же одинъ изъ десятковъ тычячъ рядовыхъ воиновъ не могъ выйти замѣчательно изъ среды своихъ товарищей, какъ вышли нѣкоторые, извѣстные даже въ литературѣ нашей имена, изъ народнаго быта, въ которомъ судьба поставила ихъ по рожденію? «Еще труднѣе,—продолжаетъ критикъ—безграмотному парню (Левону) изучить въ подробности всѣ движенія одного изъ замѣчательнѣйшихъ сраженій въ военной Исторіи.»

Что же тутъ за колоритъ мѣстности? Слова художественныхъ критикъ должны быть употребляемы въ опредѣленномъ значеніи. Мѣстность, относясь къ положенію и нравамъ, имѣетъ не одинаковый смыслъ съ характеризовкою лицъ и со степенью умственной ихъ образованности. Одно можетъ относиться къ другому, но смѣшивать ихъ не должно и нельзя. При томъ словами: «трудно найти такого солдата и такого парня» критикъ

самъ уничтожаетъ сдѣланное имъ осужденіе. Что трудно, то не невозможно, а что возможно, то можетъ быть введено въ драму, въ романъ, въ повѣсть и во всякое произведеніе искуства, если еще какое либо аллегорическое олицетвореніе, или фантастической очеркъ, не допускаютъ исключенія самой естественности.

Издатель Пантеона, при словѣ инвалидъ, напечаталъ курсивомъ даже слово *отставной*. Ему конечно неизвѣстно, что есть инвалиды служащіе?

Обвиненія въ неправдоподобіи разсказа битвы отставнымъ инвалидомъ и молодымъ крестьяниномъ не дѣлаетъ критикъ Сѣверной Пчелы, хотя ему гораздо бы скорѣе должно было то показаться неправдоподобнымъ, потому что, не зная можетъ быть книжки объ этомъ сраженіи, изданной въ 1839-мъ году г. Неѣловымъ, и не имѣвъ случая сравнить сценическаго разсказа битвы съ тѣмъ напечатаннымъ ея описаніемъ, онъ могъ основательнѣе сказать: изъ какого образованія могъ солдатъ почерпнуть выраженія, которыя мы слышали отъ него со сцены, хотя то, что онъ слагалъ въ полку пѣсни, и свидѣтельствуетъ о хорошей его граматности и о нѣкоторомъ уже умѣніи владѣть языкомъ? Со стороны же издателя Пантеона, прямо указывающаго на сочиненіе г. Неѣлова, откуда почерпнуты главныя черты разсказа инвалида, несправедливо было сдѣлать такое замѣчаніе.

Что же неестественнаго въ томъ, что солдатъ, который можетъ пересказать всю небольшую ту книжку слово въ слово, какъ иной дьячекъ можетъ прочитывать наизусть цѣлыя молитвенныя книги, бывъ завлеченъ Левономъ въ разсказъ о битвѣ, передаетъ его словами того описанія?

Многое въ монологахъ Ильи Степанова встрѣчается разбросанно въ книжкѣ г. Неѣлова, но соединить то сжато въ одинъ разсказъ, было уже дѣломъ не труднымъ; иныя мѣста вставлены изъ очерковъ Ѳ. Н. Глинки, иныя изъ сочиненія Михайловскаго-Данилевскаго, а одно изъ походныхъ записокъ Лажечникова.

Имъ передаетъ авторъ и всю похвалу, сдѣланную ему Сѣверною Пчелою, въ бойкости и живости разсказа.

Въ піэсѣ предполагается однакоже, что весь разсказъ Ильи Степанова взятъ имъ изъ сочиненія г. Неѣлова.

Неужели же не допускать въ искуствѣ и подобныхъ условій? Въ такомъ случаѣ можно дойти до замѣчанія, что Кутузовъ и Барклай-де-Толли носили шинели шире или уже, длиннѣе или короче изваянныхъ на ихъ статуяхъ, поставленныхъ на площади Казанскаго Собора.

Но изъ чего критикъ Пантеона сдѣлалъ заключеніе о неграматности Левона? Изъ того, что онъ называетъ Бистрома Быстровымъ, Мюрата Муратовымъ? Наблюденіе простаго быта показываетъ, что сколько ни трудитесь учить простолюдина произношенію какого либо иностраннаго имени, онъ непремѣнно переиначитъ его по своему. Граматность Левона, подразумѣваемая въ піэсѣ, не предполагается въ такой степени, что бы онъ могъ исправить по книгамъ обычный свой народный языкъ. Довольно того, если онъ безъ ошибки могъ разставить дощечки и значки по ихъ надписямъ, а иное затвердить. Выучить же умнаго, понятливаго крестьянскаго парня, даже и неграматнаго, тому, что Левонъ разсказываетъ въ піэсѣ о битвѣ, можно взяться за какое угодно пари.

Несправедливо со стороны издателя Пантеона утвержать и то, что мысль подѣйствовать на Илью Степанова, въ день его имянинъ, нечаяннымъ разсказомъ о Бородинскомъ сраженіи, пришла неестественно Левону.

Конечно, говоря словами критика: «Левонъ, не будь глупъ, поднялся на хитрости;» но сверхъ того, что такую хитрость онъ могъ бы легко придумать самъ, въ піэсѣ ничего не сказано о томъ, какимъ образомъ онъ былъ къ ней надоумленъ. Почему же было не предположить гораздо вѣрнѣе, что эта мысль пришла офицеру, полюбившему Левона, знавшему о его

любви къ Аннушкѣ и о всѣхъ встрѣченныхъ имъ препятствіяхъ къ полученію ея руки? Не прямо ли даже указываетъ на то Аннушка, говоря отцу, что офицеръ выучилъ Левона разстановкѣ плана и разсказу битвы?

На выраженія критика Пантеона: «сцена каѳедра» и вслѣдъ за тѣмъ: «сцена не каѳедра,» авторъ отвѣчаетъ словами критика Сѣверной Пчелы: «сцена должна быть (по крайней мѣрѣ: можетъ быть) вспомогательною скрижалью исторіи, представляя все прекрасное и благородное, совершающееся въ нашемъ отечествѣ.»

Разсматривавъ до сего времени преимущественно критику Пантеона, мы должны теперь остановить особое вниманіе читателей на замѣчаніяхъ, сдѣланныхъ Сѣверною Пчелою.

Многоуважаемый нами критикъ Сѣверной Пчелы не вслушался въ слова хора, оканчивающаго піэсу.

Это по большой части бываетъ удѣломъ того, что на сценѣ поется, и въ тѣхъ случаяхъ, когда главное дѣло не въ музыкѣ, а въ смыслѣ пѣнія, такое обстоятельство всегда вредитъ первымъ представленіямъ піэсъ.

Знаменитыя французскія строфы хора въ «Гооліи» были поняты и получили полное свое значеніе только тогда, когда зрители узнали ихъ изъ чтенія.

Предполагается, что зрители и читаютъ піэсы. Иначе драма была бы слишкомъ стѣснена въ своихъ средствахъ.

Теперь, когда критикъ прочитаетъ слова хора уже напечатанныя, (*) онъ, можетъ быть, согласится, что безъ этого хора не было бы въ піэсѣ народнаго конца, достойнаго ея предмета и цѣли, и что этотъ хоръ истекъ изъ вѣрнаго и глубокаго чувства, неразрывно связаннаго съ народнымъ значеніемъ отечественной жизни піэсы.

Слова хора, показавъ рецензенту, что назначеніе ихъ: выразить, или *прообразовать* то упомянутое нами народное чувство, объяснятъ и помѣщенное на афишѣ выраженіе: «хоръ, *прообразующій* общій народный голосъ.»

Употребленіе подобныхъ хоровъ не составляетъ въ искуствѣ даже совершенной новости. Образцы ихъ находятся въ древнихъ греческихъ трагедіяхъ, но только тамъ они приведены при нѣкоторыхъ другихъ сценическихъ условіяхъ, сообразныхъ времени и состоянію искуства.

Гораздо замѣчательнѣе обвиненія, сдѣланныя Сѣверною Пчелою, въ отношеніи историческомъ, разсказу битвы.

Почтенный критикъ уличаетъ автора въ невѣрности разсказа. «Орелъ,—говоритъ онъ,—показался надъ головою Кутузова не наканунѣ Бородинской битвы, но еще 17-го числа, во время произведеннаго имъ смотра арміи, при Царевѣ-Займищѣ.»

Критикъ правъ по сказанію Михайловскаго-Данилевскаго. Онъ правъ и по сказаніямъ Бутурлина и Пеѣлова, изъ которыхъ впрочемъ первый, не упоминая о появленіи орла наканунѣ Бородинской битвы, ничего не говоритъ о немъ и при Царевѣ-Займищѣ. Но вотъ выписка изъ очерковъ Бородинскаго сраженія, изданныхъ въ 1839-мъ году Ѳ. Н. Глинкою (Часть 1-я стр. 39):

«Теперь, наканунѣ великаго дня Боро-«динскаго, главнокомандующій велѣлъ про-«нести ее (икону Смоленской Божіей Ма-«тери) по всей линіи. Это живо напоми-

---

(*) Слова хора:

Дѣлу великому
Слава!
Русскому имени
Слава!

Благословеніе,
Память вамъ, братія!
Въ ваши всемірные
Лавры могильные,
Ставъ, упирается
Древо могучее:
Русскаго имени
Слава!

«нало пріуготовленіе къ битвѣ Куликов-«ской..... Главнокомандующій, окружен-«ный штабомъ, встрѣтилъ икону и покло-«нился ей до земли. Когда кончилось мо-«лебствіе, нѣсколько головъ поднялось къ «верху и послышалось: орелъ паритъ! «Главнокомандующій взглянулъ вверхъ, «увидѣлъ плавающаго въ воздухѣ орла и «тотчасъ обнажилъ свою сѣдую голову. «Ближайшіе къ нему закричали: ура!, и «этотъ крикъ повторился всѣмъ войскомъ.»

Довольно для оправданія драматурга.

Если авторъ очерковъ Бородинскаго сраженія, основавшій свое живописное повѣствованіе, какъ самъ онъ говоритъ, на *собственныхъ* и другихъ лицъ *запискахъ* (онъ самъ былъ дѣйствующимъ лицомъ въ Бородинской битвѣ), представилъ это обстоятельство несогласно съ показаніемъ исторіи войны 1812-го года, единственно также упоминающей объ орлѣ при Царевѣ-Займищѣ, то остается историкамъ объявить объ источникахъ, изъ которыхъ почерпнутъ ими разсказъ; описаніе же этого случая сопровождено въ сочиненіи Ѳ. Н. Глинки такими подробностями, какія можетъ позволить себѣ только самовидецъ, или вѣрный пересказчикъ уже засвидѣтельствованнаго событія. Выборъ сочинителя піэсы: Память Бородинской битвы, не могъ колебаться между двумя сказаніями.

Другое, гораздо сильнѣйшее обвиненіе содержится въ слѣдующихъ словахъ критика Сѣверной Пчелы:

«Съ чего онъ (Бородинскій Инвалидъ) взялъ предположеніе, что Кутузовъ не хотѣлъ возобновить генеральной битвы на другой день Бородинскаго побоища только для того, чтобы хитростію вовлечь Наполеона въ западню? Пора бы перестать говорить подобныя вещи. Исторія Михайловскаго-Данилевскаго самый вѣрный и оффиціяльный разсказъ событій незабвенной эпохи. Не слѣдуя хвастовству иностранныхъ писателей, скрывающихъ вездѣ свои пораженія и даже выдающихъ ихъ за побѣды, Россія съ благородною откровенностію всё высказала въ этой исторіи: и свои побѣды и свои ошибки. Въ этомъ то именно всё величіе ея славы. Послѣ неслыханнаго безпримѣрнаго торжества своего, она съ высокимъ самоотверженіемъ сказала: *не намъ, не намъ, а имени твоему*. И ни въ какой исторіи не сказано, что бы Кутузовъ, послѣ Бородина, заманивалъ врага въ Москву и далѣе. Потери его были слишкомъ чувствительны, что бы онъ съ остаткомъ силъ могъ еще рѣшиться на генеральную битву. Онъ уступилъ необходимости и судьбѣ. Сердце его обливалось кровію, когда Москва пылала, и онъ заплакалъ отъ радости, когда узналъ наконецъ объ оставленіи ея врагами. Вотъ благородный, откровенный разсказъ исторіи! Никто не имѣетъ права искажать ее.»

Упрекъ однакоже за упрекъ.

Критикъ и авторъ піэсы оба Русскіе, и если разсказъ Бородинской битвы, дѣлаемый въ піэсѣ, погрѣшаетъ противъ исторіи, по мнѣнію критика, въ томъ, что, представляя отступленіе Кутузова отъ Москвы, безъ возобновленія битвы, дѣйствіемъ со стороны Кутузова глубоко разсчитаннымъ, и вслѣдствіе того всѣ блистательныя послѣдствія того отступленія: уничтоженіе и бѣгство врага и вступленіе союзныхъ войскъ въ Парижъ, являются въ томъ разсказѣ не порожденіемъ слѣпаго *случая*, а дѣломъ глубокаго ума великаго Русскаго полководца, при неустрашимости и воинскомъ послушаніи Русскихъ войскъ, то достаточно ли критикъ справился съ исторіею, чтобы произнести такое обвиненіе?

Безпристрастіе и откровенное изложеніе фактовъ конечно есть обязанность благороднаго историка и свидѣтельство о высокомъ характерѣ Правительства и народа, въ которыхъ пишутся такія исторіи; но если почтенный критикъ самъ ошибается въ вѣрности исторической, приписывая случаю то, что было слѣдствіемъ глубокаго замысла, и тѣмъ, съ благимъ намѣреніемъ, отнимаетъ у Россіи честь успѣха великой войны и славу ея полководца, то не болѣе ли погрѣшаетъ онъ? (*)

(*) Вопросъ этотъ чрезвычайно важенъ и

Смѣло сказалъ г. критикъ, что ни одна исторія не подтверждаетъ сказаннаго о томъ въ разсказѣ Бородинскаго инвалида.

Дѣйствительно, ни одна исторія прямо этого не говоритъ, и по весьма ясной причинѣ. Кутузовъ, вымолвившій Принцу Виртембергскому, еще прежде Военнаго Совѣта при Филяхъ: «проста ли, умна ли моя голова, но она сама себѣ должна быть помощницею,» затаилъ великую мысль, прежде ея исполненія, подъ своими, покрытыми опытомъ и увѣнчанными воинскою мудростію сѣдинами, а послѣ того какъ та мысль уже оправдалась событіемъ, онъ предоставилъ прозрѣть ее историкамъ и потомству, не разсказывая, съ юношескимъ хвастовствомъ, что онъ всё предуготовилъ и всё предвидѣлъ.

Всѣ обстоятельства сдачи Москвы и тайна, съ которою поворачивала Русская армія съ Рязанской дороги на старую Калужскую, оставивъ на первой изъ нихъ одинъ незначительный отрядъ, для того единственно, чтобы поддержать въ непріятелѣ увѣренность объ отступленіи Русскихъ войскъ во внутреннія губерніи, были, при самомъ выступленіи изъ столицы, обреченной на славную жертву, уже началомъ великаго воинскаго движенія.

Отъ самаго Бородина до Мамонова и отъ Мамонова до Военнаго Совѣта при Филяхъ, даже при совѣщаніи на Поклонной горѣ, Кутузовъ всё еще, казалось, готовился къ новому сраженію предъ Москвою; но въ обсужденіи дѣйствій такихъ полководцевъ, какимъ былъ Кутузовъ, и въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ какихъ онъ находился, надобно соображать и взвѣшивать каждое слово, не упуская изъ вида и самый характеръ военачальника.

Кутузовъ, имѣвшій правиломъ, что «самая подушка не должна знать о мысляхъ», и громко говорившій о намѣреніи своемъ дать новое сраженіе подъ стѣнами Москвы, не изъявлялъ однако же такого намѣренія въ донесеніи своемъ Государю послѣ Бородинскаго дѣла, потому что такъ далеко не могъ простирать неправды, хотя не хотѣлъ заблаговременно обнаруживать замысла, который могъ еще, по обстоятельствамъ, измѣниться. Въ томъ же смыслѣ онъ писалъ, еще отъ 17-го августа, къ Ростопчину, а выѣзжая изъ Дорогомиловской заставы, сказалъ: «головою ручаюсь, что непріятель погибнетъ въ Москвѣ». Собравъ Совѣтъ при Филяхъ для рѣшенія вопроса: «быть или не быть новой битвѣ,» онъ до того явно исполнялъ уже тайное свое предначертаніе оставить столицу ослѣпленнымъ его дѣйствіями врагамъ, что, по замѣчанію Барклая-де-Толли, тогда уже поздно было распоряжаться для сраженія.

На томъ Военномъ Совѣтѣ, предъ исполненными судебъ словами: «приказываю отступать», не ясно ли онъ высказалъ всѣ оправданныя послѣдствіями свои соображенія, и въ тотъ же вечеръ, уже не съ увѣренностію ли полководца, глубоко и давно обдумавшаго планъ, но еще скрывавшаго главную свою мысль, отвѣчалъ онъ Шнейдеру, на вопросъ: гдѣ же мы остановимся: «это мое дѣло, но ужъ доведу я этихъ проклятыхъ Французовъ, какъ въ прошломъ году Турковъ, до того, что они будутъ ѣсть лошадиное мясо».

Намѣреніе перерѣзать непріятельской арміи пути продовольствія не ясно ли выразилось въ послѣднихъ словахъ?

Сообразивъ всѣ вышеприведенныя обстоятельства, не иначе ли безпристрастная исторія должна взглянуть и на самую Бородинскую битву, которая была, въ отношеніи къ Русскому народу и къ Русскому войску, только слѣдствіемъ непремѣннаго требованія сразиться за Москву, а въ мысляхъ Кутузова еще и необходимою жертвою, для того, чтобы тѣмъ лучше обмануть самоувѣреннаго генія Франціи въ истинномъ планѣ войны.

Такимъ образомъ разсматриваемая Бородинская битва, представляетъ удержаніе русскими войсками мѣста сраженія уже прямымъ достиженіемъ цѣли и полнымъ торжествомъ полководца, гораздо важнѣй-

---

мы бы желали, чтобы историки наши обратили на него вниманіе и рѣшили его.

Ред. Лит. Газ.

шимъ по своимъ послѣдствіямъ, нежели было бы самое пораженіе непріятеля, который, отступивъ, могъ еще образумиться.

Почти навѣрное можно предполагать, что великая мысль:—заманить Наполеона, можетъ быть не въ самую Москву, но куда нибудь въ другое мѣсто сердца Россіи, чтобы, усыпивъ его надеждою на счастливый миръ, сдѣлать знаменитый маневръ и, выждавъ морозовъ и напавъ на операціонную линію французовъ, уничтожить непріятеля, — была въ главнокомандующемъ не только уже при Царевѣ-Займищѣ, но можетъ быть даже передъ тѣмъ еще, какъ онъ былъ призванъ въ Петербургѣ въ кабинетъ Государя, для объявленія ему о новомъ его назначеніи.

«Ключъ къ Москвѣ взятъ,» сказалъ Кутузовъ, при вѣсти о взятіи Смоленска. Послѣ того спасать ли Москву онъ ѣхалъ?

«Всѣ военные люди, коихъ разсудокъ не затемненъ предубѣжденіемъ, — говоритъ Бутурлинъ, послѣ приведенія словъ Кутузова при Филяхъ,—сознаются, что тотъ, кто по необыкновенной смѣтливости своей, могъ такимъ образомъ предвидѣть будущее, вѣрно уже расположилъ въ умѣ своемъ средства управлять произшествіями.»

«Желая болѣе скрыть свои мысли, — пишетъ Михайловскій-Данилевскій, — на счетъ оставленія Москвы, которое онъ, конечно, уже предположилъ въ умѣ, Князь Кутузовъ, выслушавъ (на Поклонной горѣ) начальника главнаго штаба 1-й армій Ермолова, говорившаго съ жаромъ о невозможности принять на позиціи (предъ Москвою) сраженіе, взялъ его за руку, и, пощупавъ пульсъ, спросилъ: «здоровъ ли ты?»

Что этѣ слова главнокомандующаго къ генералу Ермолову были внушены глубокою воинскою хитростію и что хитрость эта была непроницаема даже для главнѣйшихъ его помощниковъ, которые, казалось, не могли бы не быть посвящены въ великую тайну, то ясно доказывается слѣдующимъ его разговоромъ съ Ланскимъ, вслѣдъ за Военнымъ Совѣтомъ при Филяхъ: «Распорядись продовольствіемъ», сказалъ фельдмаршалъ призванному генералъ-интенданту.—«Но куда же мы идемъ?» спросилъ Ланской.—«*На Рязанскую дорогу.*»—«Трудно подвести туда запасы; *они всѣ около Калуги.*»—«А развѣ у Рязани ничего нѣтъ?» (Фельдмаршалъ конечно не имѣлъ надобности о томъ спрашивать.)—«Прикажете, такъ будетъ» отвѣчалъ Ланской.—«*Подумаю*», сказалъ Князь Кутузовъ, «*а ты приди ко мнѣ завтра*»

Безсмертная рѣшимость слова: «*подумаю*», въ обстоятельствахъ, въ которыхъ нерѣшительность не могла имѣть никакого мѣста, здѣсь является уже не слѣдствіемъ, по источникомъ его же прежде сказанныхъ незабвенныхъ словъ: «*приказываю отступать.*»

Къ обстоятельству—добавляетъ Михайловскій-Данилевскій,—что Князь Кутузовъ не велѣлъ перевозить продовольствія на Рязанскую дорогу, куда первоначально выступалъ, можно отнести, что онъ уже имѣлъ мысль боковаго движенія, произведеннаго потомъ на Калужскую дорогу, куда, послѣ Бородина, 29-го августа, велѣлъ направлять хлѣбные запасы. Тогда же Князь Кутузовъ извѣстилъ Графа Ростопчина объ оставленіи Москвы, о чемъ до тѣхъ поръ таилъ отъ него.—«Только по прибытіи на Тульскую дорогу,»—сказано въ другомъ мѣстѣ исторіи Михайловскаго-Данилевскаго,—«стала для всѣхъ понятна истинная причина боковаго движенія.»

Преимущественно приводимъ вышеупомянутыя три мѣста изъ сочиненія Михайловскаго-Данилевскаго, какъ историка, на котораго въ особенности ссылается критикъ Сѣверной пчелы. Ни онъ, ни Бутурлинъ не записывали бы всего этого на своихъ посвященныхъ славѣ Россіи страницахъ, если бы не хотѣли прямо указать читателямъ на понятіе, которое они должны себѣ составить о славной для Россіи войнѣ 1812-го года и о предводителѣ Русскихъ воинскихъ силъ, о кончинѣ котораго плакали Александръ и Россія, который завѣщалъ потомству изображеніе Наполеона 1812-го года рука объ руку съ предводительствовавшимъ Турецкими вой-

скамп въ 1811-мъ году Верховнымъ Визиремъ, и къ которому, наконецъ, Государь, благословенный Богомъ и людьми, писалъ: «Слава Россіи нераздѣльна съ вашею собственною и со спасеніемъ Европы», смиренно отдавъ ему поднесенный Его Величеству въ Калишѣ лавровый вѣнокъ.

«Сердце Кутузова обливалось кровію, когда Москва пылала?» Но чье же Русское сердце могло тогда не облиться кровію? Какъ полководецъ, онъ однакоже пророчески воскликнулъ, при полученіи извѣстія о вступленіи Французовъ въ Москву: «Слава Богу! это послѣднее ихъ торжество!» И ему ли было послѣ того, вмѣстѣ со всѣми Русскими, не заплакать отъ радости, когда, слѣдствіемъ мудрыхъ его соображеній, торжествующій врагъ оставилъ столицу, чтобы идти уже на встрѣчу уготованной ему гибели?

Такъ говоритъ исторія, такъ съ гордостію должны повторять Русскіе, такъ память о великомъ событіи должна быть передаваема народному преданію. Въ этомъ только смыслѣ могла сказать Русская Муза на гробѣ Кутузова:

«Иди! спасай!» Ты всталъ и спасъ! (*)

Окончивая этими словами разсмотрѣніе замѣчаній, сдѣланныхъ на піэсу: «Память Бородинской битвы», авторъ осмѣливается думать, что онъ вполнѣ оправдалъ свое сочиненіе отъ всѣхъ напечатанныхъ и словесныхъ обвиненій.

Читающей публикѣ предстоитъ произнесеніе окончательнаго суда.

Нельзя однако же не выписать, по этому поводу, совѣта драматическимъ писателямъ, даваемаго въ своей критикѣ издателемъ Пантеона: «*всегда помнить*, что ни въ какой картинѣ, ни въ какой драмѣ не передать такъ коротко и опредѣлительно главную мысль большей части подобныхъ попытокъ, какъ она передана въ одномъ стихѣ старинной трагедіи:

«Извѣстенъ свѣту Россъ, – Россъ брани не боится.»

Авторъ же піэсы, столько уже времени сошедшій съ литературнаго поприща и появившійся на немъ снова по совершенно нечаянному случаю, а при томъ неожиданно подъ настоящимъ своимъ именемъ, вмѣсто взятаго имъ псевдонима «Ивельевъ,» теперь, печатая это свое оправданіе, а вслѣдъ за нимъ и самую піэсу, только и думаетъ о томъ, какъ бы избавиться отъ журнальныхъ нашествій.

Онъ готовъ, однакоже, отъ всей души принимать дѣльныя, съ любовью къ искусству дѣлаемыя замѣчанія, и подъ тѣми же условіями входить въ пріятныя для него пренія.

И. Великопольскій (Ивельевъ).

21-го Августа.

(*) Пушкинъ.